

дений... А ведь у меня убеждений-то в самом деле нет"⁶. Конечно, это было сказано слишком сильно: автор имел в виду убеждения такого рода, которые определяли бы всю общественную деятельность человека и присоединение к той или иной политической группировке. Живо интересовавшийся общественными и (как студент, а затем преподаватель) студенческими движениями в России периода реформ и в пореформенный период, Васильевский решительно сторонился политики, полагая, что к науке она не должна иметь никакого отношения. Случалось и ему, в контексте исторических аналогий, высказывать политические суждения, явно актуальные и открыто проецированные на положение дел в современном ему обществе и государстве, но он считал, что порожденные современностью политические идеи не могут, не должны влиять на направление исторической мысли. Во всяком случае оценку любой подлинно научной концепции с учетом политических симпатий или антипатий он считал совершенно недопустимой. Брань за политические убеждения в адрес того или иного древнего или нового автора должна исчезнуть, писал он, со страниц зрелого историка⁷.

Глубоко верующий человек, Васильевский тем не менее не придавал серьезного значения ни догматике, ни церковной обрядности. Саму религию он считал продуктом творчества людей на определенной стадии их духовного развития, которое определялось, однако, Верховным Началом (Идеей), направляющим мир и человечество к прогрессу, совершенству. Чем полнее эта Вышняя Идея воплощается в обществе и людях, тем благоприятнее и быстрее развитие⁸. Отличаясь широкой веротерпимостью, Васильевский все-таки отдавал решительное предпочтение христианству, поскольку (сравнительно с язычеством и мусульманством) оно было создано людьми на гораздо более высоком уровне образованности и культуры, а потому полнее и ярче воплотило в себе идеи добра, гуманности, любви, стремления к совершенству⁹. Как поборник исторической истины Васильевский стремился избежать в своих научных занятиях всяких проявлений конфессиональных пристрастий. Он резко порицал католическую церковь (особенно Папский престол) и католических государей за отступление от заповедей в угоду догме, внешней обрядности, мирским выгодам, за проявления гордыни и жестокосердия, но обрушивался, когда имелся к тому конкретный повод, и на православных иерархов и василевсов – за те же пороки и проступки, за нетерпимость, неоправданное самомнение, своекорыстие и неискренность, присущую вообще "хитрой" и "подозрительной" Византии. И все-таки его симпатиях – вольных или невольных – на стороне православной церкви, православного правителя и православной страны, так как в периоды столкновений католический мир чаще прибегал к "рыцарскому мечу", тогда как православный – более к "силе нравственной"¹⁰.

Близко знавший Васильевского И.М. Гревс писал о нем: "Хотя Василий Григорьевич был чужд вероисповедной исключительности и формализма внешнего благочестия, в нем было много глубоко-религиозных элементов в нравственной природе и умственном настроении. Он верил в высший смысл существования и в направление мировой жизни верховным началом к разумной цели. Он строил равновесие своей духовной жизни на идее эволюции мира к совершенству, рисовал себе, стало быть, и человечество идущим к прогрессу"¹¹.

⁶ Модестов В.И. В.Г. Васильевский. С. 161.

⁷ Васильевский В.Г. Рец. на диссертацию Ф. Соколова // Вестник Европы. 1886. Т. II. С. 113.

⁸ Васильевский В.Г. Обращение Гедемина... С. 185; Он же. Политическая реформа... С. 324; Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. СПб., 1899. С.25–26, 42, 47.

⁹ Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Труды. 1. С. 77–78; Он же. Жена... С. 1.

¹⁰ Васильевский В.Г. Обращение Гедемина... С. 135–138, 147 и след.

¹¹ Гревс И.М. В.Г. Васильевский... С. 41.